

Друзьяка Андрей Викторович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
и специальных исторических дисциплин
Благовещенского государственного
педагогического университета

**НОТАРИАТ В КИТАЙСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ И МАНЬЧЖОУ-ГО
(1920–1937 ГГ.)****Аннотация:**

На основании разнообразных документальных источников и исследований российских и иностранных историков и правоведов в статье рассматривается процесс формирования и функционирования общественно-правового института нотариата в Китайской республике и Маньчжоу-Го. В период 1920–1937 гг. на территории Маньчжурии в городе Харбине действовали российские нотариусы, использовавшие в своей практике основы российского гражданского и нотариального законодательства. Основное внимание в работе уделено взаимоотношениям, сложившимся в сфере регулирования гражданского оборота между российскими эмигрантами, составлявшими существенную часть харбинского социума, нотариусами и властями Маньчжурии. С учетом новых данных определены хронологические рамки учреждения и деятельности нотариальных учреждений в Северо-Восточном Китае, сделаны выводы о причинах институциональной устойчивости российского нотариата, действовавшего в многоукладной интернациональной среде, о специфике деятельности нотариусов в экономических и социально-политических условиях Харбина.

Ключевые слова:

Маньчжурия, Харбин, нотариат, Маньчжоу-Го, Китайская республика.

Druzyaka Andrey Viktorovich

PhD in History, Associate Professor,
Russian History and Special
Historical Sciences Department,
Blagoveshchensk State
Pedagogical University

**THE NOTARIAL SYSTEM
IN THE REPUBLIC OF CHINA
AND MANCHUKUO (1920–1937)****Summary:**

On the basis of various documents and studies of Russian and foreign historians and jurists, the paper examines the development process of the public legal institution of notaries and its functioning in the Republic of China and Manchukuo. In 1920–1937, there were Russian notaries in the territory of Manchuria, in the city of Harbin. Their notarial practice was grounded on Russian civil and notarial legislation. The research focuses on the relationship that has been developed during civil regulation between Russian emigrants being a significant part of the Harbin society, notaries and the authorities of Manchuria. Based on new data obtained, the time frame for the establishment and activities of notarial institutions in Northeast China is determined. Besides, the author makes conclusions about the reasons for the institutional stability of the Russian notarial system acting in a multi-layered international environment and the specific nature of the notarial activity in the economic, social and political context of Harbin.

Keywords:

Manchuria, Harbin, notarial system, Manchukuo, Republic of China.

Нотариат, в функции которого входит независимое письменное фиксирование различных юридически значимых обстоятельств, сегодня является одним из важнейших общественных институтов. Общественная потребность в независимом, справедливом и равноправном фиксировании прав, событий, волеизъявлений и состояний была детерминирована уровнем развития экономики и увеличивалась по мере развития торгового оборота, роста городов, усиления потребности в закреплении и защите прав собственника. Она вела к тому, что нотариат быстро проходил стадии институционализации, получал общественное признание и поддержку [1, с. 9].

История нотариата совпадает с историей письменных доказательств [2, р. 126–141]. В процессе своего развития в различных странах он мог действовать в форме церковного, муниципального, корпоративного, биржевого, судебного или государственного нотариата. В различные исторические периоды часть нотариальных функций исполняли священники, судебные чины, выборные должностные лица, муниципальные или государственные служащие.

В результате смены правящих политических режимов нередко менялись приоритеты действия тех или иных функций нотариата, а сами нотариальные учреждения в такие периоды не только подвергались организационной трансформации, но и встраивались в структуру органов юстиции, действовавших в новой юрисдикции. В данном случае примером может являться трансформация нотариальных органов, происходившая в ходе революционных событий на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии в 1918–1923 гг., описанная нами в предыдущей публикации [3]. Если история нотариальных учреждений, действовавших в последующий период 1920–1930-х гг. на российской территории, уже достаточно полно нами описана, то история нотариата в Харбине до последнего времени все еще имела ряд лагун и полностью установить хронологическую последовательность развития

этого института стало возможным только с получением новых документальных источников и материалов, предоставленных нотариусами КНР в 2017 г. [4]. Ряд уникальных документов из личной коллекции был предоставлен нам нотариусом города Челябинска С.Н. Третьяковым (см. рис. 1).

Нотариат в Маньчжурии был впервые учрежден указом Николая II в 1903 г. и должен был начать свою деятельность в составе Порт-Артурского окружного суда, который входил в ведомство Иркутской судебной палаты. В связи с началом Русско-японской войны эта вакансия из Квантунской области была переведена в Харбин. В сентябре 1904 г. на нее был назначен В.Ф. Адамс, ранее занимавший должность нотариуса во Владивостоке. Вторая должность нотариуса в Харбине была учреждена 13 сентября 1906 г. Ее занял опытный юрист, выпускник Санкт-Петербургского императорского университета К.И. Кайдо, ранее служивший судебным следователем во Владивостоке, затем мировым судьей в Харбине. В период 1905–1920 гг. в составе действовавшего в Маньчжурии Пограничного окружного суда, в компетенции которого с 1906 г. находилась полоса отчуждения КВЖД и Харбин, работали два нотариуса [5].

Несмотря на целый ряд кардинальных изменений экономической и социально-политической обстановки, для Харбина была характерна крайне консервативная модель нотариального института, проявлявшаяся в устойчивости и преемственности кадров, используемых процедур, делопроизводства и законодательной базы. Вместе с тем нотариальное свидетельствование было широко востребовано населением, официальными структурами и предпринимательским сообществом, что позволило сохранить этот институт в крайне нестабильный период 1920–1930-х гг.

Вплоть до 1 октября 1920 г. нотариусы в Харбине действовали в соответствии с российским гражданским и нотариальным законодательством. После упразднения министерства юстиции России, затем Иркутской судебной палаты (1918) судебное ведомство в Маньчжурии оказалось в положении юрисдикционного вакуума, когда законы Российской империи утратили свое действие, а местные органы власти в Харбине фактически не имели правового статуса и законодательной компетенции. Принудительное прекращение действия российской юрисдикции, предполагавшей, кроме прочего, режим экстерриториальности для всех иностранцев, находившихся в полосе отчуждения КВЖД, позволило властям Китайской республики упразднить все силовые, консульские и административные органы России в Маньчжурии, а также действовавшие здесь органы юстиции.

В отечественной историографии подробно описана ситуация, в которой представители российского дипломатического корпуса, общественные деятели, делегации от городских общин пытались экстренно урегулировать вопрос о перспективах устройства нового порядка судопроизводства в центральных органах власти Китайской республики. 31 октября декретом Президента Китайской республики в полосе отчуждения КВЖД были учреждены особые судебные установления и вступил в силу особый порядок гражданского и уголовного судопроизводства. Вводилась подчиненность окружного суда, почти полностью сохранившего структуру ранее действовавших здесь русских судебных установлений, судебной палате Особого района восточных провинций (ОРВП) и Верховному суду в Пекине [6]. После осознания невозможности адекватной замены нотариата каким-либо иным легитимным органом китайскими властями было принято компромиссное решение о продолжении деятельности русских нотариусов в составе вновь созданных здесь китайских органов юстиции. В период 1921–1937 гг. в качестве нотариусов при китайском окружном суде в Харбине работали М.С. Уманский, М.В. Второв, А.Ф. Сакович.

Приказом Министерства юстиции Китайской республики от 22 октября 1921 г. нотариусом китайского окружного суда в Харбине был назначен А.Ф. Сакович, который до 1917 г. являлся прокурором окружного суда в Благовещенске, в годы Гражданской войны являлся юрисконсульт-ом контрразведки КВЖД и возглавлял в этом органе отдел по борьбе с большевизмом [7]. В марте 1921 г. во вновь открывшуюся контору нотариуса М.С. Уманского поступил на службу в качестве помощника М.В. Второв. После смерти М.С. Уманского 23 декабря 1923 г. он был уволен со службы, но уже 31 декабря приказом председателя судебной палаты ОРВП был назначен на должность нотариуса города Харбина, которую бессменно занимал до 1 декабря 1937 г. Ранее, в период 1907–1920 гг., М.В. Второв являлся помощником нотариуса К. Кайдо [8].

Необходимо отметить, что Харбин в период 1920-х гг. являлся одним из четырех крупнейших центров российской белой эмиграции наряду с Парижем, Берлином и Прагой. В период Гражданской войны и после ее окончания помимо постоянных жителей полосы отчуждения и сотрудников КВЖД здесь нашли временный приют до 150 тыс. беженцев, а Харбин стал крупнейшим транспортным и финансово-экономическим центром Дальнего Востока. По данным Н.Е. Абловой, в начале 1920-х гг. в Маньчжурии уже находилось до 200 тыс. бывших русских подданных [9].

В период 1920–1930-х гг. здесь были открыты представительства не только русских, но и крупнейших европейских, американских, японских и китайских фирм, банков и компаний. В обеспечении притока и концентрации капитала важную роль сыграл и стабильно действующий нотариальный институт. Его сохранение позволило русской диаспоре в Харбине получить правовой инструмент легитимации важнейших фактов, действий, состояний и волевых решений, засвидетельствовать кото-

рые иным способом было невозможно. В частности, в качестве примера можно привести нотариально засвидетельствованную в 1926 г. аттестацию, подтверждавшую окончание курса обучения игре на фортепиано у частного преподавателя музыки Л.Б. Аптекаревой (рис. 1а, 1б) [10].

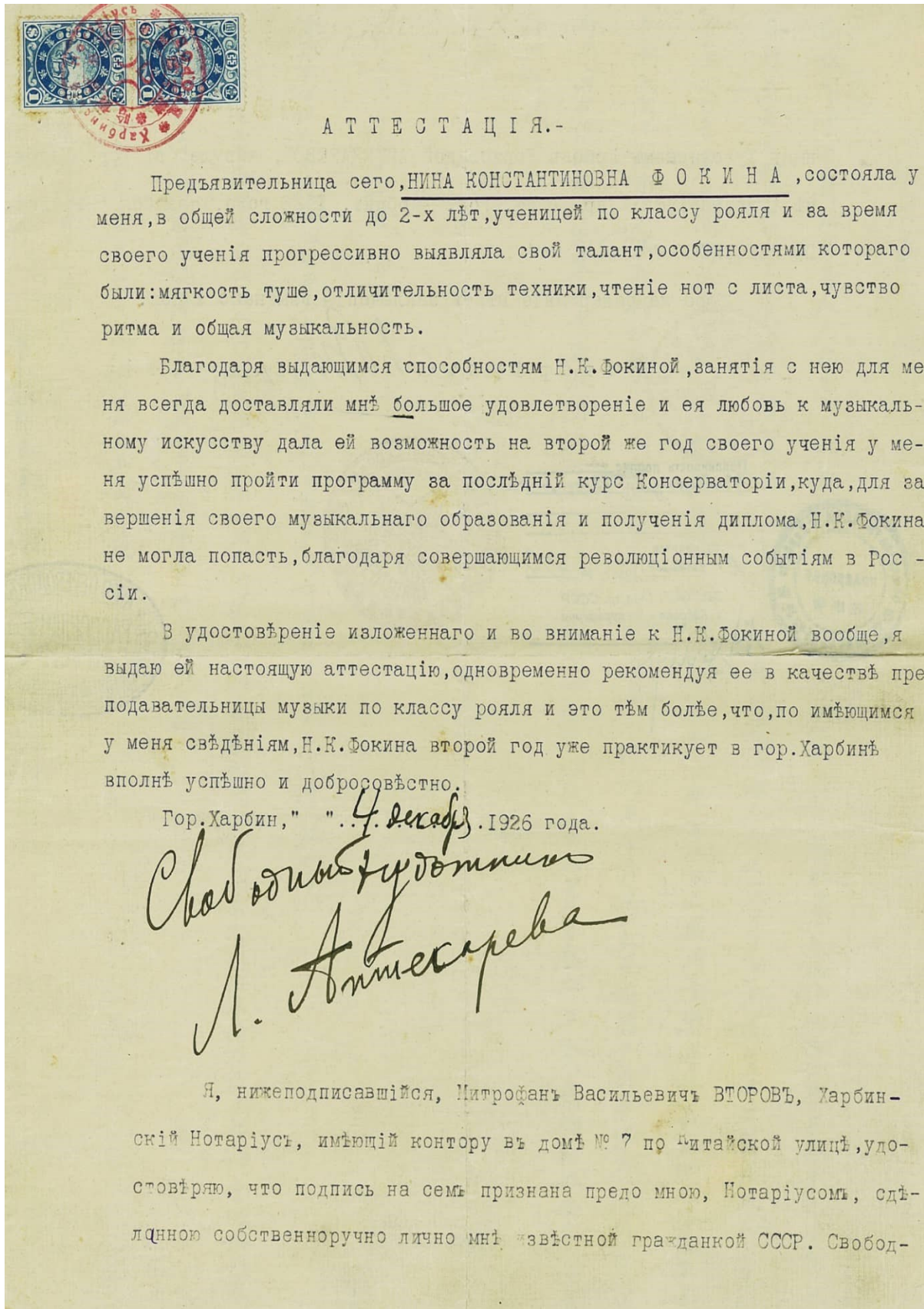

Рисунок 1а – Аттестация (нотариус – М.В. Второв. Харбин, 1926 г., лицевая сторона)

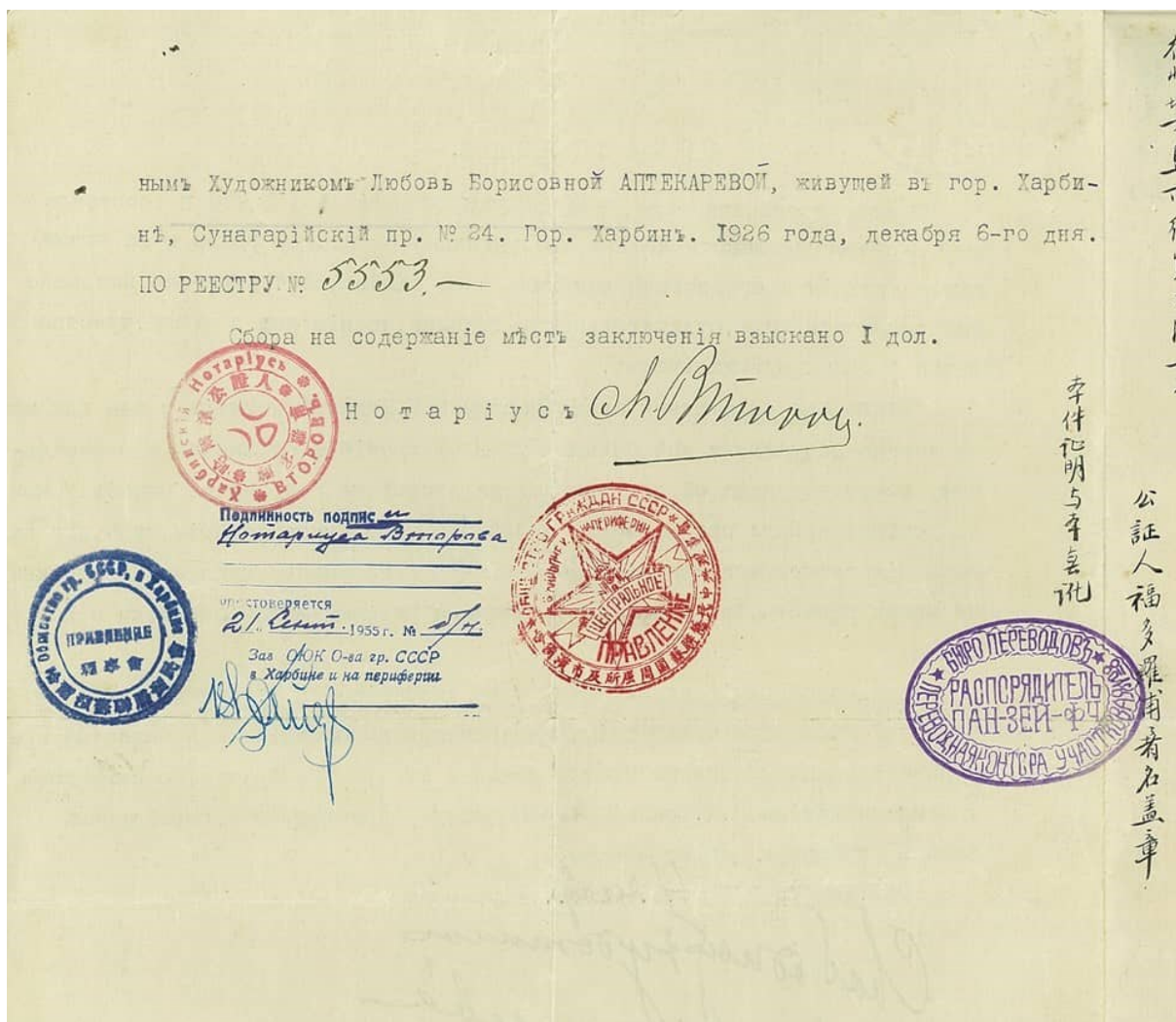

Рисунок 16 – Аттестация (нотариус – М.В. Второв. Харбин, 1926 г., обратная сторона) [11]

Высокий авторитет и репутация нотариального института позволили пользоваться его правовыми услугами как различным слоям населения города, так и советским органам управления КВЖД, а также китайским властям. Так, 5 июля 1928 г. в конторе, находившейся в Харбине в доме 17 по улице Китайской, нотариус А.Ф. Сакович засвидетельствовал юрисконсульту, гражданину СССР В. Разумовскому доверенность на право представительства интересов КВЖД в городском суде Харбина [12].

В период 1920–1932 гг. китайскими властями осуществлялось давление на российскую диаспору, проявлявшееся во введении новых налогов для русских предприятий, установлении штрафов и сборов, учреждении обязательного института поручительства китайскими гражданами юридических сделок [13]. Усиленное административное давление оказывалось в этот период и на нотариусов. В частности, китайский прокурор окружного суда, следуя некоей установке или руководствуясь конъюнктурными соображениями, пытался вмешиваться в их деятельность, и последним приходилось отстаивать законность своих действий в судебном порядке. Нотариус А.Ф. Сакович в 1935 г. в своей автобиографической анкете описал подобный прецедент привлечения его к судебной ответственности: «В 1927 г. из-за незнания китайским прокурором разницы между куплей-продажей и запродажей был привлечен к суду, но по суду оправдан». 13 июля 1931 г. «без объявления причины и без истребования объяснений» А.Ф. Сакович был уволен, его должность занял китайский юрист Ли Цзиншан, назначенный приказом председателя Верховного суда ОРВП [14, л. 3; 15].

К началу 1930-х гг. русская эмигрантская колония в Маньчжурии была самой многочисленной на Дальнем Востоке и насчитывала около 60 тыс. чел., однако под воздействием различных социально-политических воздействий она уменьшалась за счет репатриации в СССР и выезда части эмигрантов в Шанхай и Тяньцзинь, а оттуда в Европу, США, Австралию, страны Латинской Америки. В ходе краткосрочного военного конфликта в конце 1920-х гг. СССР удалось удержать контроль над КВЖД, однако вскоре свои права на территорию Маньчжурии заявила императорская Япония.

В 1932 г., после вторжения японской армии, в Маньчжурии сменилась власть и была провозглашена подконтрольная японцам империя Маньчжоу-Го, в связи с чем юрисдикция в Маньчжурии была вновь изменена. 8 августа 1934 г. А.Ф. Сакович был восстановлен в должности нотариуса [16, л. 4]. «Белая» часть русской диаспоры в целом проявила лояльность новым властям и в ответ получила более благоприятный административно-правовой режим. 28 декабря 1934 г. было создано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), которому был придан ряд административных функций в отношении части бывших подданных России и который, кроме прочего, обеспечивал противодействие влиянию советского руководства КВЖД.

В 1935 г. СССР был вынужден продать КВЖД Японии, началась массовая репатриация советских граждан из Маньчжурии. В этот период для отъезжающих в СССР работников КВЖД остро стояла проблема продажи имущества, и правовые услуги нотариуса были востребованы в полной мере. Цены на недвижимость в городе упали в 3–5 раз, в мае 1935 г. китайские власти отменили ограничения на вывоз личного имущества служащими дороги, но дома, особенно на периферии, многим пришлось оставить или продать за бесценок. В течение 1935 г. на родину выехали 21 341 гражданин СССР, оставшиеся переходили в подданство Маньчжоу-Го или выезжали в третьи страны и в Шанхай, где укрепилась советская диаспора [17, с. 104, 111].

В ноябре 1937 г. в Маньчжоу-Го был принят закон № 33, прекративший работу нотариальных контор в Харбине. Нотариальные наследственные дела впоследствии велись и рассматривались судом, суд назначал из своего штата специалистов для нотариального удостоверения [18, с. 12]. Как можно судить по нотариальным актам и биографическим данным нотариусов А.Ф. Саковича и М.В. Второва, они занимали свои должности до ноября 1937 г. С их увольнением «русский» период в истории нотариата в Маньчжурии был окончательно завершён. Вместе с тем М.В. Второв вплоть до 1940-х гг. занимал должность секретаря судебного ведомства в Харбине, где на него, судя по всему, было возложено исполнение ряда нотариальных функций, в частности по ведению наследственных дел бывших российских подданных. В дальнейшем, после прихода в Харбин Красной армии, здесь была образована государственная нотариальная контора в системе органов юстиции нового Китая [19, с. 7].

Нотариат в Маньчжурии прошел через несколько стадий организационной трансформации, связанных с изменением политических режимов и юрисдикций, изменявших подведомственность нотариата. Вместе с тем, как представляется, на протяжении своего более чем 30-летнего периода развития нотариат в Маньчжурии действовал на правовой основе, установленной русским нотариальным законодательством, в частности Положением о нотариальной части 1866 г. [20]. Данное обстоятельство, на наш взгляд, указывает на уникальность его правовой природы, позволяющей признать его как российским, так и китайским органом юстиции.

В то же время деятельность нотариата в Харбине позволяет существенно скорректировать данные о начале действия нотариальных учреждений на территории Китая. Ряд исследователей относит начальную дату основания первых нотариальных органов на территории Китая к 1936 г., когда первые нотариальные конторы появились в английских колониях на юге страны [21]. Однако сами китайские нотариусы признают правовую преемственность деятельности государственной нотариальной конторы города Харбина и русского нотариального института, функционировавшего здесь в период 1904–1937 гг., что позволяет нам констатировать факт учреждения нотариата в Китае в 1904 г. [22, с. 11].

На наш взгляд, рецепция российских общественно-правовых институтов при общей юрисдикции Китая в полосе отчуждения КВЖД является примером вынужденного компромисса, на который китайские власти и власти Маньчжоу-Го пошли с целью сохранения общественной стабильности в Харбине, необходимой для нормального функционирования сложившегося гражданского оборота, в который были вовлечены представители многих стран, имевших экономические интересы в Маньчжурии. Это обстоятельство кардинально отличало развитие «харбинского» нотариата от развития публично-правового института в условиях СССР, где историческое наследие русского нотариата было отторгнуто и на смену ему пришел нотариат в системе органов юстиции, ставший частью государственной машины [23, с. 9, 20].

Высокие устойчивость и «выживаемость» института нотариата в Маньчжурии, прошедшего такие «переломные» моменты в ее истории, как смена юрисдикции в 1920 г., отмена городского самоуправления в Харбине в 1926 г., советско-китайский военный конфликт 1929 г., японская оккупация и образование Маньчжоу-Го в 1932 г., продажа КВЖД в 1935 г., были обеспечены именно его авторитетом, компетентностью и высокой общественной значимостью, общепризнанными не только в среде русских эмигрантов, но и представителями других этносоциальных групп, а также предпринимательских сообществ и административных властей.

Ссылки и примечания:

1. Нотариальное право России : учебник / под ред. проф. В.В. Яркова. М., 2003. 408 с.
2. Yaigre J., Pillebout J.-F. Droit professionnel notarial. Quatrieme edition. Paris, 1996. 190 p.
3. Друзяка А.В. Нотариальные учреждения Дальнего Востока в период 1918–1923 гг. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 1. С. 63–66.
4. Очерк Харбинской нотариальной конторы. Харбин, 2015. На кит. яз.
5. РГИА (Рос. гос. ист. арх.). Ф. 1337. Оп. 1. Д. 160. Л. 1–11.
6. Попов Ф.А. Во власти чужой Фемиды: ликвидация русских судов в Китае в 1920 г. глазами русской общины // Россия и АТР. 2017. № 1 (95). С. 82–96.
7. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 41726.
8. Там же.
9. Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999. 316 с.
10. Личный архив нотариуса С.Н. Третьякова.
11. Личный архив нотариуса С.Н. Третьякова.
12. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 691. Л. 46–46 об.
13. Бакулина А.А. К вопросу о государственном регулировании положения российских эмигрантов в Маньчжурии (1918–1945 гг.) // Ойкумена. 2011. № 1. С. 60–67.
14. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 41726. Л. 3.
15. Гун Бао. 1931. № 1402. 12 июля.
16. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 41726. Л. 4.
17. Аблажей Н.Н. С востока на восток: российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. 300 с.
18. Очерк Харбинской нотариальной конторы. С. 12.
19. Там же. С. 7.
20. Положение о нотариальной части / коммент. Н.К. Мартынова. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1900.
21. Мизинцев Е.Н. История нотариата в Китае // Нотариус. 2011. № 3. С. 12–17 ; Wang Jian. Das Notariat in China // Notarius International. 2003. № 3–4. S. 150–165 ; Werthwein S. Das neue Beurkundungsgesetz und die öffentliche Beurkundung in der VR China // Zeitschrift für chinesisches Recht. 2007. Bd. 14, no. 2. S. 194–210.
22. Очерк Харбинской нотариальной конторы. С. 11.
23. Еременко А.А. Невский нотариат: люди, судьбы, исторические параллели. СПб., 2017.